

На протяжении последних десятилетий мы наблюдали серьезные сдвиги в организации управления — от строгого регулирования к «удаленному пилотированию», к проявлению признаков нового общественного договора. Модель нового общественного договора предполагает сплочение вузов и властей с целью выработать единое видение и договориться о предполагаемых результатах. Подобное практикуется, к примеру, в Австралии, Гонконге, Ирландии, Нидерландах, Новой Зеландии, Норвегии и канадской провинции Онтарио. Это показывает, что разные цели вовсе не означают взаимоисключение и что восприимчивость к запросам общества легитимирует цели собственно академического сообщества в самом широком смысле.

Если раньше государство обеспечивало жизнедеятельность университетов, то теперь, в эпоху глобализации и практически всеобщего высшего образования, вузы должны обеспечивать жизнедеятельность общества. В этих новых условиях у вузов есть возможность сделать выбор в пользу осмысленного содействия в разработке нового общественного договора, иначе в этот процесс вмешается государство и возьмет все обязанности на себя.

«Свобода слова» и «оскорбительные высказывания» в кампусе

Питер Скотт

Питер Скотт — профессор наук о высшем образовании Института образования Университетского колледжа Лондона (Великобритания), уполномоченный правительства Шотландии по вопросам равного доступа к высшему образованию. E-mail: P.Scott@ioe.ac.uk.

Во многих странах свобода слова и академическая свобода находятся под угрозой: в Венгрии, Китае, России, Турции угроза исходит со стороны авторитарных правительств, в ближневосточных государствах — со стороны религиозных фундаменталистов, в других регионах — со стороны правых популистов, которые убеждены, что их культуре и обществу грозит опасность (и которые зачастую относятся к университетам как к бастионам либерализма и космополитизма). Но либералы внесли свою лепту в формирование такого отношения. Так, студенты Йеля и Принстона проводили кампанию за переименование ряда корпусов, включая корпус, названный в честь президента

Вудро Вильсона — автора знаменитых «Четырнадцати пунктов», четырнадцати безукоризненных с либеральной точки зрения принципов, которые помогли положить конец Первой мировой войне. А студенты Оксфорда, вдохновленные успешным опытом студентов Кейптаунского университета, пытались повторить кампанию южноафриканцев «Родс должен пасть» (#RhodesMustFall), хотя в Оксфорде «оскорбительная» статуя Сесила Родса, империалиста поздневикторианского периода, гораздо скромнее ее аналога в Кейптауне и расположена высоко на фасаде Ориельского колледжа.

Неоднозначная политическая реакция

Даже в демократических странах политическая реакция на подобные события оказалась неоднозначной. Например, в Великобритании правительство на законодательном уровне потребовало, чтобы в университетах была гарантирована свобода слова для непопулярных спикеров (возможно, имелись в виду спикеры правого толка?) и чтобы пресекались кампании, призывающие к недопущению таких спикеров в стены вузов. В то же время правительство настаивает на том, чтобы руководство университетов сопротивлялось попыткам исламских фундаменталистов радикализировать студентов, и придумывает новые, неслыханные в демократическом дискурсе термины типа «ненасильственный экстремизм».

Правда заключается в том, что «свободу слова» и «политкорректность» нужно рассматривать не как полярные принципы, а как части единого спектра. Никакой разумный человек не будет утверждать, что свобода слова абсолютна: во-первых, потому, что никто не имеет права кричать «Пожар!» в переполненном кинотеатре (так же, как и использовать расистскую риторику в мультикультурном вузе?); во-вторых, потому, что свобода слова всегда реализуется в рамках системы законов. И даже самые ярые защитники свободы слова утверждают, что она возможна именно благодаря верховенству права.

Меняющийся контекст

Вместо того чтобы пытаться выработать абсолютные принципы, было бы полезно выявить тенденции, которые влияют на общественную дискуссию. Первая закономерность заключается в том, что правомерные дебаты об (абсолютной) пользе науки шли всегда и идут до сих пор. Раньше возражения касались не столько самой науки, сколько способов ее применения. Сейчас некоторые участники таких дискуссий идут дальше. Исследования стволовых клеток и генома человека, безусловно, вызывают вопросы об автономии и даже святости человеческого существования, равно как и когнитивистика (некоторые ее аспекты) и исследования искусственного интеллекта.

Во-вторых, наблюдается сдвиг в сторону более бесвязного, раздробленного, неустойчивого и идеологически многообразного глобального «климата».

Дурманящий период триумфа после 1989 года, когда Фрэнсис Фукуяма объявил о «конце истории», остался далеко в прошлом. Усиление так называемого популизма (выразившееся в избрании Дональда Трампа президентом США, решении Великобритании выйти из ЕС, росте политического влияния Путина и Эрдогана и т.д.) возродило идеологические проблемы. Они, безусловно, являются причиной дискомфорта, который ощущается в вузах и провоцирует жаркие споры между сторонниками «свободы слова» и «политкорректности».

В-третьих, наблюдается усиление так называемой политики идентичности, что связано с первыми двумя тенденциями. К традиционным маркерам социальной идентичности (гражданство, религия, этническая принадлежность, гендер, социально-экономический класс) добавились новые; какие-то из них (относительно) стабильны, например сексуальная ориентация, другие же более подвижны, т.к. определяются образом жизни и культурными привычками. Эти неустойчивые, иногда экспериментальные социальные маркеры особенно ярко проявляются в студенческой среде. Люди с нестандартными социальными, культурными или даже сексуальными предпочтениями больше не готовы ограничиваться сопротивлением только дискриминации.

Последнее и самое важное изменение заключается в том, что в связи с массовизацией высшего образования в XXI веке студенческое сообщество стало гораздо более разнородным, чем относительно однородный студенческий контингент элитных университетов, существовавших ранее обособленно. Несмотря на все недостатки, в большинстве развитых стран система высшего образования стала отражать все многообразие общества, в котором она функционирует.

Социально-культурное многообразие влияет на общественную дискуссию о «свободе слова» и «политкорректности». Выходцы из уязвимых групп населения, которые больше всех выиграли от перекалибровки языка общественной дискуссии, впервые могут получать высшее образование, и благодаря этому они набирают силу. Они порицают классические либеральные ценности, некогда считавшиеся универсальными и абсолютными, как селективные и узкие. Если они слышат что-то, что, по их мнению, замахивается на их идентичность, культуру или даже на их все еще хрупкое положение в системе высшего образования, они легко интерпретируют это как недопустимое использование свободы слова.

Ответственность университетов

Описанные перемены, касающиеся дискуссий вокруг «свободы слова» и «политкорректности», позволяют сделать два вывода. Во-первых, нет ничего абсолютно. Никакое общество никогда не давало своим гражданам неограниченную свободу слова. И хотя университеты должны обеспечивать возможность для реализации этого права в рамках законодательных и

общественно приемлемых ограничений (и даже иногда идти еще дальше), никакой вуз не согласится с тем, что «все дозволено». С другой стороны, хотя нужно уважать людей, которые чувствуют себя уязвленными или беззащитными, нельзя полностью им потворствовать, если это ставит свободную и энергичную интеллектуальную дискуссию под угрозу. Нужно быть прагматичными и стремиться найти верный баланс, который может меняться в зависимости от времени и места.

Последнее и самое важное изменение заключается в том, что в связи с массовизацией высшего образования в XXI веке студенческое сообщество стало гораздо более разнородным, чем относительно однородный студенческий контингент элитных университетов, существовавших ранее обособленно.

Во-вторых, университеты отлично подготовлены — или должны быть отлично подготовлены — к тому, чтобы постоянно находить этот новый баланс. Свобода выражения, которая заключается в критическом поиске, — это ключевая ценность академического мира. От этого зависит и способность университетов готовить не просто технических экспертов, но критически мыслящих граждан, а также заниматься передовой наукой и просвещением. Однако умеренность в языке и взаимоуважение — это тоже важнейшие компоненты университетской жизни, хотя не стоит вызывать к ним слишком часто в попытках защитить слишком тонкокожих людей и таким образом нечаянно благоприятствовать тем, кто призывает к цензуре.

